

С.Б. СОРОЧАН

МЕМОРИЙ ВОСКРЕСЕНИЯ И МАРТИРИЙ СВ. МУЧ. ВАСИЛЕЯ В ВИЗАНТИЙСКОМ ХЕРСОНЕ

Посвящая эту статью памяти Виталия Михайловича Зубаря, должен заметить, что в последние годы своей жизни он все ближе подходил к средневековой, а для Херсонеса-Херсона – византийской тематике. Наши совместные с ним статьи, разделы монографий уводили по меньшей мере в VI - VII вв. и даже дальше от античной тематике. Причем отдельные херсонесские памятники привлекали его особенно. К числу таковых относились памятники западной стороны городища, той стороны, которую Виталий Михайлович знал не понаслышке, где многие годы провел, исследуя загородный некрополь. В своих работах он давал собственные интерпретации обнаруженного здесь и к этим интерпретациям я обращаюсь ниже, помня, как приходилось спорить по их поводу. В определенной мере последствиями этих дискуссий можно считать и предлагаемую статью, статью, свидетельствующую о том, что истинный исследователь и после смерти продолжает жить жизнью мысли в своих и чужих трудах.

Дешифровка культурных кодов византийского общества относится к числу проблем, решение которых находится в зачаточном состоянии. Даже специалистам задача исторической реконструкции и интерпретации конкретных сакральных пространств в Византии и их изучение как особого вида духовного творчества представляется делом будущего [Лидов, 2003, с.9]. Среди таких проблем следует выделить роль святого патрона городского сообщества, которая проявлялась и в конкретных памятниках, почитаемых реликвиях, и, в особенности, спиритуальности горожан. Между тем и другим существовал, видимо, не столько симбиоз, сколько тесный синтез, который можно попытаться уловить на примере материалов достаточно хорошо изученного конкретного провинциального ранневизантийского города, каким являлся крымский Херсон.

Проникновение в подземелье, в склеп или катакомбу, возможно, напоминало христианам проникновение в пещеру, что в свою очередь уводило к давним воспоминаниям о собраниях первых христиан во времена Иисуса Христа. Хорошо известно, что пещерам христиане придавали особое значение – в пещере родился Христос, Мария жила в Назарете в пещере. Игумен Даниил пишет, что Мария с Иосифом провели два года после рождения Христа в пещере в Вифлееме, “пещерными жителями” описывали Иоанна Крестителя и Елизавету, по местным поверьям и Тайная вечеря тоже состоялась в пещере

древних склепов, что были уничтожены ломкой камня уже в 1898 г. [Бертье-Делагард, 1907, с.160]. После раскопок и описания его останков в 1911 - 1912 гг., следы обнаруженного уже через пару десятков лет затерялись и ныне местонахождение их можно указать только приблизительно, ориентируясь по направлению от руин оборонительной башни V и западных ворот городища. Подземный склеп, как и его росписи, датировали по разному, с разбросом от второй половины - конца IV в. до VII в. включительно, то есть раннесредневековым временем, интерпретировали как место погребения “крупного стеностроителя или крепостного начальника”, “весьма почитаемого гражданина”, подвижника, святого мученика, “особого” человека (священника?), “руководителя церковной организации” или видели в нем необычное проявление архитектурного пристрастия некоего заказчика [Печенкин, 1912, с.145 - 149; Ростовцев, 1914, с.472 - 480; Скубетов, 1916, с.177 - 189; Якобсон, 1959, с.194, 254, рис.97; Зубарь, 1999, с.298 - 302; Зубарь, Хворостяный, 2000, с.69 - 72, рис.21, 37 - 39; Могаричев, 2005, с.34; Могаричев, 2005 а, с.186 - 187; Могаричев, 2008, с.82, 84, 87]. Подобный христианский культовый памятник действительно редок уже потому, что не имеет над собой церковной постройки, обычно свойственной мартириям или мемориям [Ростовцев, 1914, с.478], хотя называть его уникальным едва ли стоит: вариант развития мартиральных комплексов предусматривал превращение чтимой могилы в молельню, как это следует на примере римских катакомб Комодиллы, Петра и Маркелиана и др. [Хрушкова, 2008, с.123].

Он имеет очень важную для датировки его возникновения деталь, на которую прежде не обращали должного внимания. Невыразительные следы христомона (хрисмона) раннего “константиновского” типа (классическая комбинация “хи” и “ро”) в фресковой росписи его потолка могут служить основанием для создания этой росписи не позже середины V в., когда такая хрисма вышла из употребления, уступив место монограмматическому “длинному кресту” с “ро” [см.: Хрушкова, 2005, с.415, 416; Хрушкова, 2008, с.128 - 129]. Следовательно, традиционные росписи склепа с голубями, павлинами, гирляндами и пальмовыми венками, свойственные херсонесской раннехристианской погребальной живописи, возникли уже до переделки гробницы с локулами в меморий-молельню.

Еще важнее другое: возможность связать это сооружение с сюжетами херсонской агиографии, Житий свв. епископов Херсонских, составленных до середины - третьей четверти VI в. кем-то из клириков, архиереев или игуменов города¹, и тем самым добиться не только более точной идентификации склепа, его характеристики как сакрального сооружения, но и предложить путь решения проблемы его датировки после переделки, определения места в христианской топографии и значения в сакрализации конкретного топоса, а вместе с ним одного из самых значительных ромейских центров Таврики.

¹ Об уточнении датировки Житий подр. см. [Сорочан, 2005, с.94-100].

тем в подобной реликвии можно видеть именно могилу мученически умершего Василия, выброшенного после смерти из “Иера” (Святых) или, по старославянской версии, “Красных” (Прекрасных) ворот, очевидно, Западных больших ворот в конце I продольной улицы, и похороненного, согласно разным версиям свидетельств херсонского агиографа, “...вне города, на западе, близ стены”, “...вне стены, на запад града близ тоя стены”, то есть в ближайшем соседстве с западной древней оборонительной стеной [Латышев, 1906, с.9, 56; Житие св. епископов, 2005, с.1275, гл.2; Житие и страсть, 1911, с.161; Месяца марта, 1911, с.166; Сорочан, Зубарь, Марченко, 2000, с.648]. Предполагать в этих воротах калитку около башни I не приходится, ибо калитка здесь была оборудована гораздо позже, а в античной западной оборонительной стене на участке западной базилики следы ворот не прослеживаются. Античная западная оборонительная стена шла 270 м, считая от башни V, до моря. Даже если она была не прямой, а все же имела некоторый тупой угол, как того требовали правила античной фортификации, в ней в любом случае была слабо проведена идея бокового обстреливания [ср.: Гриневич, 1959, с.88; Суров, 1961, с.96; Буйских, 2008, с.169 - 170]. Стена перекрывала участок некрополя с погребениями детей в амфорах, что указывает на ее возведение не ранее второй половины - конца IV в. до н.э., после чего, вероятно, не ранее I в. н.э., в римский период она была на этом участке перестроена или капитально отремонтирована с использованием известково-цемянкового раствора и облицована камнями кубической формы [Белов, 1953, с.243 - 244; Суров, 1961, с.96, 102; Суров, 1965, с.122 - 123, 126 - 127; Стоянов, 2003, с.174]. Но нет оснований полагать, что прочная каменная стена толщиной до 4,2 м была упразднена и скрыта уже в эпоху “римской элевтерии”, то есть во II - III вв. [Гриневич, 1959, с.88, 97, 101]. Даже в X в. с внешней стороны этой стены находились помещения, частью углубленные в кладку стены, которая, следовательно, продолжала существовать по крайней мере на северном, приморском участке [Суров, 1961, с.98; Суров, 1965, с.136]. Функционально сменившие ее ранневизантийские куртины 2 - 4, отходившие резко на запад, имели облицовку из плит, тоже положенных на извести, а внутри состояли из бута на извести и, очевидно, появились в VI в., учитывая возведение куртины I первого строительного не ранее времени правления Юстиниана I (527 - 565), на что указывают найденные при раскопках стены монеты этого императора и обломки позднеимской краснолаковой керамики типа LRC form 3 [Гриневич, 1959, с.101; Антонова, 1963, с.63; Айбабин, 1999, с.126; Завадская, 2000, с.83; Сорочан, Зубарь, Марченко, 2003, с.173, 182 - 187; Сорочан, 2005, с.831]. Пересматривать ее датировку на более раннюю нет веских оснований. Указание на цистерну 33 рядом с башней I, от которой отходила куртина I, едва ли оправданно для того, чтобы относить строительство стены ко времени не ранее V в. Монеты из склепа под цистерной (от Константина I до Гонория), как и находка монеты Льва I в растворе кладки стены, не могут служить

тащить избиваемого Василея, поскольку идет параллельно западной оборонительной стене и к тому же на расстоянии, которое превосходит расстояние от Западных больших ворот до начала ограды у берега моря, что важно подчеркнуть для наших дальнейших суждений.

В связи с античной западной стеной, отчасти включенной в план своеобразной северо-западной херсонской “цитадели”, особый интерес вызывает еще одна церковь и одновременно усыпальница (№12 по списку имп. Археологической комиссии, она же “часовня Г”), длиной 6,4 и шириной 4,6 м, которая располагалась как раз в углу, образуемом древней западной и приморской береговой оборонительными стенами, на расстоянии 4 м от апсиды мемориальной крещальни (“часовни Б”) Западной базилики и в 5 м против античной оборонительной стены. Не случайно над расположенным здесь подземным склепом с учетом именно его ориентации было построено сакральное поминальное сооружение с престолом, как это обычно и повсеместно делалось в Византии над местами почитания святых и мучеников, и, значит, оно могло быть не просто церковью обычного, регулярного культа или молитвенным домом (*eukterios oikos*, *eukterion*), как называли такие постройки ромеи, но и мавритием с бывшим подземным ипогеом, приспособленным под крипту [ср.: Уваров, 1908, с.119]³. Подобные мавритиальные церкви или молельни обычно находились под опекой диаконов [Болотов, 1913, с.201].

Сооружение несомненно имело прямое отношение к коллективному некрополю первых веков н.э., находившемуся здесь до строительства новой линии раннесредневековой западной оборонительной стены. Отдельные склепы этого участка кладбища, оказавшиеся на территории “цитадели”, до V, а, возможно, и до VI в. продолжали использовать под захоронения, как это особенно отчетливо видно на примере нескольких детских погребений в нижних частях амфор с “перехватом”, типа “*carotte*” или с рифлением типа набегающей волны, уложенных в дромосе склепа 1960 г. к северу от Западной базилики [Сувор, 1961, с.91-94, рис.17 (исследователь ориентировочно относил склеп к IV в.); о типах амфор и их датировке см.: Романчук, Сазанов, Седикова, 1995, с.16 - 20, табл. 2 - 4].

В отличие от алтаря базилики, отклоняющегося от востока к северу лишь на 5°, алтарь этой поминальной гробничной церкви имеет отклонение на 30°, что объясняется не прекращением существования храма и его давним забвением ко времени строительства более позднего крестовидного кимитирия (“Д”) рядом с большой базиликой, как полагал К.К. Косцюшко-Валюжинич, а изначальной увязкой строительства этого мавритирия около западной античной оборонительной стены с ориентацией квадратного в плане ипогея (2,25 x 2,25 м, высота 1,7 м), который оказался под поминальным храмом. Как верно

³ Вообще, как показывает изучение агнографии, византийцы, в отличие от современных историков архитектуры и строительного дела, не соблюдали строгую терминологию в отношении культовых сооружений и подчас обозначали храм сразу несколькими словами-синонимами (склисия, евктирия, наос, мавритирий, севасмос икос - “честный дом” и др.) [ср.: Афиногенов, 2003, с.5].

точечная застежка". К.К. Косцюшко-Валюжинич, открывший необычный памятник, посчитал необходимым отметить, что свод усыпальницы весьма искусно, красивыми рядами выведен из кирпичей, уложенных радиально и углами, особой, еще не встречавшейся кладкой, заключающейся в том, что кирпичи поставлены ребром вниз, так, что "образуют купол, по середине которого кладка оканчивается одним кирпичем", а сам склеп напоминает "цветущую эпоху византийского зодчества, относится к древнейшим памятникам христианства в Херсонесе" [Отчет за 1901 год, л.13 - 14; Раскопки, 1893, с.13].

С этим выводом был согласен Л.В. Фирсов, обращавший внимание также на три проема, а точнее, ниши в полукруглой алтарной апсиде надгробной церкви, судя по описанию М.И. Скубетова на его чертеже 1903 г., как бы имитирующие три конхи, что опять-таки было свойственно конструкции мартириев [Фирсов, 1973, л.21 - 22]. Такие симметрично расположенные ниши в апсидальной части служили для хранения святых мошей [подр. см.: Енчев, 2005, с.63 - 67, фиг.1 - 4]. По поводу этой апсиды Д.В. Айналов отмечал, что хрупкая кладка ее стены значительно уже фундаментальных, сложенных на известково-цемянковом растворе стен самого храма, с которым у нее нет связей, отчего она кажется приделанной позже, опять-таки в ходе последующей перестройки здания [Айналов, 1905, с.42].

В целом, сооружение отчетливо вписывается в выделенную А. Грабарем группу ранневизантийских мартириев простой структуры с апсидой, которые ведут свое происхождение от античных мавзолеев и имеют сиро-палестинские архитектурные параллели [ср.: Grabar, 1946]. Еще раз следует подчеркнуть, что подземный ипогей имел не нишеобразную локулу или локулы, как это было принято, а низкий широкий лежак, что является редкостью и напоминает знаменитые древнееврейские гробницы Иерусалима или, более того, сам "Гроб Господень", который по сути дела тоже представлял собой камеру с единственным "ложем" [ср.: Никитенко, 2005, с.188]⁵. Учитывая то, кому херсоняне адресовали сооружение, едва ли такая навязчивая параллель возникла случайно, и еще раз косвенно указывает, кто играл ведущую роль святого патрона сообщества херсонян.

В 1891 г. при раскопках гробничной церкви над ипогеем в мощеной каменными плитами алтарной части на месте оказалось плоское квадратное углубление для основания престола и алтарная преграда из каменных плит высотой 0,78 м с мраморным порогом, в остальной части был обнаружен "мозаичный пол очень красивого и, по мнению А.Л. Бертье-Делагарда, древнейшего рисунка", а в 1901 г. – скульптурный символ Св. Духа – небольшой голубь из инкерманского камня с круглым отверстием вместо ног для укрепления

⁵ В византийском Херсоне, насколько мне известно, подобную одиночную лежанку, но гораздо более узкую, имел лишь склеп крипты раннего храма 1902 г. на Девичьей горке, тоже на месте некрополя. В 2006 г. он был расчищен экспедицией НЗХТ во главе с Т.Ю. Яшаевой.

на стержне [см.: Раскопки, 1893, с.13; Косцюшко-Валюжинич, 1902, с.66 - 67, 70; Сорочан, Зубарь, Марченко, 2000, с.647-648]. Именно техника и рисунок мозаики позволили заведующему раскопками отметить, что “это один из ранних храмов”, но важная оговорка о ее сходстве с рисунком мозаики в Уваровской базилике позволяет относить оформление интерьера поминального храма ко времени не ранее второй половины VI в. [Раскопки, 1893, с.13]. Это совпадает с мнением Е.Г. Сурова о существовании склепа под свктирионом между VI - X вв. [Суrow, 1965, с.128]. А.Л. Якобсон тоже относил возведение этого надгробного храма ко времени не позднее V - начала VI вв. и советовал искать истоки такой строительной традиции в восточногреческой архитектуре II - V вв. [Якобсон, 1959, с.164 - 165].

Такие небольшие сооружения для трапез любви – агап и поминальных служб в ранневизантийское время нередко строили над гробницами мучеников. При этом над подземным склепом, могилой, надгробной плитой усопшего помещали алтарный столик с дополнительной столешницей – менсой [подр. см.: Krauthemer, 1960, p.15 - 40]. Сам обряд поминовения на трапезе, по-видимому, включал омовение, то есть освещение менсы, пение, ритуальные танцы, моления и собственно трапезу, для которой на погребальный столик или надгробную плиту ставили хлеб и рыбу, чаши с вином, а иногда делали возлияния елєя и вина прямо в погребение, дєлясь трапєзой с покойным. Такого рода круглое отверстие диаметром 0,45 м, закрываемое квадратной плитой, имеется над криптой в мартирии при Уваровской базилике в Херсоне [Сорочан, 2005, с.773 - 775, рис.228]. Известно, что практика агап была отменена только 74 и 76 правилами Пято-Шестого (Трульського) собора 691 - 692 гг.⁶, но к этому времени рассматриваемое сооружение уже давно находилось в действии. Во всяком случае, визуально и по своему устройству это наиболее подходящий объект именно в западной части Херсона для легендарного ипогея, переоборудованного в полускрытую крипту Св. муч. Василиєя. Он максимально соответствует всем сакральным параметрам и реалиям такого памятника. Особо следует подчеркнуть, что расположение самой новопостроенной церкви было подчинено задаче сохранить первоначальное место гробницы Св. Василиєя. Иначе говоря, мощи Св. Василиєя в буквальном смысле слова являлись структурообразующим фактором для соответствующего культового здания, а это здание, со своей стороны, для самого монастырского комплекса.

Видеть эту гробницу в крестовидной гробничной молельне (“храме Д”) с могилами и склепом, пристроенной с северо-запада к баптистерию (“часовне Б”) и рассчитанной на множество погребений, как светских (в могилах под полом), так и, видимо, духовных лиц (в подземном склепе с заложенными

⁶ По крайней мере трапезы любви пытались запретить делать в зданиях, посвященных Господу, в церквах и в пределах их ограды, а точнее, нельзя было приносить съестное, есть и постилать возлияния внутри храма, за что грозили ослушникам отлучением [The Canons, 1995, p. 156; Деяния, 1996, с.292].

кирпичом локулами), не приходится по причине наличия в нем именно коллективного кимитирия, что, скорее, соответствовало облику очередного “крытого кладбища”, “коллективного христианского мавзолея” или главной монастырской липсанотеки, нежели мартирия или мемория, одиночной святыни, к тому же приспособленной для отправления церковной службы, то есть имеющей алтарь, престол [подр. см.: Сорочан, 2005, с.837 - 839, рис.266; Фомин, 2005, с.136 - 137; ср.: Krautheimer, 1960, p.15 - 40; Klausner, 1974, S.221 - 229; Deichmann, 1979, S.144 - 169]. Уже Феодосий I законом от 30 июля 381 г. запретил хоронить мирян в апостолеянах и мартириях [Saxer, 1980, p.239 - 240], а в нашем случае, судя по инвентарю некоторых могил (стеклянные и бронзовые браслеты, бронзовые серьги-колечки), были именно захоронения светских лиц и, значит, уже поэтому мы имеем дело не с мартирием. Даже склеп под зданием “Д” не может безоговорочно претендовать на роль особой подземной крипты по причине наличия в нем именно коллективных захоронений, выделить среди которых святые мощи, реликвии не представляется возможным.

Действительно, подобные крестовидные постройки, как правило, относятся к V - VI вв., но одних исторических, архитектурных или типологических сопоставлений на основе формальных признаков недостаточно для датировки [ср.: Хрушкова, 2004, с.182, 183; Хрушкова, 2005, с.394]. Очевидно, что для верного ответа необходимо учитывать главное – комплексные данные стратиграфии и полевого археологического материала, ибо другой, более надежной путеводной нити у нас нет и не будет. Расчистки 2005 г., связанные с необходимостью консервации склепа под этим крестовидным сооружением, показали, что в северной лопасти креста коллективной гробничной усыпальницы, где под известняковыми плитами пола находились неглубокие могилы, обложенные камнями, оказалась группа керамики с фрагментами кувшинов с плоскими ручками, причем раннего типа, амфор так называемого причерноморского типа с зональным рифлением, что позволяет отнести этот контекст ко второй половине IX в.⁷ К слову, обнаруженный материал вполне соответствует по времени описанному К.К. Косцюшко-Валюжиничу – стеклянным и бронзовым браслетам, паре простых бронзовых серег-колечек, извлеченных из семи раскопанных здесь погребений под полом и указывающих на погребения мирян [Сорочан, 2005, с.839]. Но особо следует подчеркнуть еще один факт. Те же расчистки и обмеры остатков крестовидного сооружения, проведенные силами экспедиции Харьковского национального университета, показали, что Д.В. Айналов ошибался, когда

⁷ Определение сделано А.В. Сазановым, ведущим камеральную обработку материалов Харьковской экспедиции, возглавляемой С.Б. Сорочаном. Расчистка склепа от мусора и его последующая консервация была выполнена вследствие угрожаемого состояния памятника и согласована с руководством реставрационного совета НЗХТ. Сведения об этом включены в полевой отчет экспедиции за 2005 г. Результаты наблюдений, обмеров и чертежной фиксации см.: Фомин, 2005, с.134 - 137, рис.1 - 17.

записал: "...фундаменты этой крестообразной усыпальницы были уничтожены и теперь не существуют" [Айналов, 1905, с.34, 37]. На самом деле от крестовидного кимитирия до настоящего времени сохранилась часть кладки северной ветви, которая достигала длины 4,5 м и имела ширину стены 0,8 м, причем была сложена не на земляном растворе, как ошибочно отмечал К.К. Косцюшко-Валюжинич, а на известковом [ср.: Сорочан, 2005, с.837]. При зачистке стены в ней, вкрапленный в раствор, оказался выразительный фрагмент горла характерной воронковидной амфоры второй четверти VI - первой четверти VII вв. [Фомин, 2005, с.136, рис.4; ср.: Сазанов, 1991, с.68 - 69, рис.11]. Такой же керамический материал (венчик амфоры с воронковидным горлом и донце краснолаковой миски LRC form 3) оказался в южной ветви креста. Уже одно это обстоятельство убедительно опровергает ныне усиленно муссируемую версию о возникновении памятника в пределах IV - V вв. и о возможности видеть именно в нем некий "первоверховный" символ святости, связанный с крестителем херсонеситов епископом Капитоном или с церковным преданием о месте погребения епископа Василея, наконец, о склепе, где он произвел воскрешение ребенка из знатной херсонской семьи и где якобы состоялось крещение самих родителей⁸.

Обмеры строительных остатков здания "Д" и их сравнение с материалами исследований Е.Г. Сурова в 1960 - 1962 гг. показали, что северная и южная лопасти крестовидного сооружения были сдвинуты по отношению друг к другу примерно на 0,8 м [ср.: Фомин, 2005, с.135 - 136, рис.7 - 8]. В противном случае южная лопасть креста оказалась бы рассечена западной стеной мемориального баптистерия №11 ("часовни Б"), чего нет в действительности. На фотофиксациях Е.Г. Сурова четко видны стены баптистерия, нигде не пересекемые стенами крестовидной постройки, хотя они сосуществовали в одно время: если бы "храм Д", который ошибочно считают более ранним,

---

⁸ Якобсон, 1959, с.164 (верно определяя храм как "мавзолей", исследователь относил его появление, как и базилики №13, к концу V или первой половине VI в.); Кленина, 2003, с.23; Ранневизантийские сакральные постройки, 2004, с.42; Кленина, 2006, с.117. Следует подчеркнуть, что Е.Ю. Кленина, вопреки выводам К.К. Косцюшко-Валюжинича и Д.В. Айналова, считает крестовидное сооружение не коллективным кимитирием, а мартирием, кроме того, самой ранней постройкой второй половины IV - первой половины V вв., предшествовавшей базиликальному комплексу. Этому же выводу стала придерживаться Л.Г. Хрушкова, считающая, что "маририальный комплекс" из крестовидного "мартирия" и крещальни ("часовни Б"), названной исследовательницей "капеллой с широкой апсидой", возник "на протяжении IV в.", "во второй половине или в конце IV в.", причем якобы был связан с именем епископа Капитона [Хрушкова, 2007, с.54-55; Khrushkova, 2008]. Более того, она соотносит во времени возникновение этого памятника и церкви со склепом с плинфовым сводом, замечая лишь, что крестовидное сооружение, которое однозначно именуется ею мартирием, могло быть "позже" церкви со склепом. В.М. Зубарь более осторожно полагал, что есть вероятность относить строительство крестовидного сооружения "Д" (он тоже считал его храмом-мартирием) ко времени, которое предшествовало возведению баптистерия ("часовни Б") и Западной базилики №13, а склеп с коллективными захоронениями под западной лопастью "мартирия" связывал

как предполагается, был снесен при строительстве баптистерия, в нем под полом никак не могли бы появиться могилы IX в.

К слову, смещение, зафиксированное планом, с трудом можно было заметить визуально. Ромен - икодомы, работавшие на глаз, вообще редко соблюдали строгие пропорции, отчего после раскопок остатки их зданий выглядят странно несимметричными [см.: Райс, 2006, с.239]. Ясно одно: такое расположение возможно лишь в том случае, если строители пристраивали крестовидный мавзолей к крещальне с широкой апсидой, ориентируясь на ее уже возведенные стены, а не наоборот, а также вследствие более позднего строительства, видимо, уже после завершения базилики №13 и ее крещальни - "часовни Б" (№11). Обособленная же надгробная церковь №12 ("часовня Г") с отчетливо выраженным подземным ипогеем, переделанным на одиночное привилегированное сакральное захоронение, имела более камерный характер, разумеется, вполне соответствующий облику мартирия (могилы при нем были изолированы с инвентарем, аналогичным инвентарю могил крестовидного кимитирия), и, вероятно, возникла до строительства большого кафоликона и баптистерия - мартирия ("часовни Б") [Сорочан, 2005, с.834 - 839, рис.260, 266]⁹. Недаром ее кладка отличается от кладки базилики, на что обратил внимание уже Д.В. Айналов [Айналов, 1905, с.33]. Следовательно, сооружению, сочетающему мартиримальный и литургический характер, придали особое значение и, скорее всего, это мог быть тот самый памятник, с которого началось строительство здешнего архитектурного комплекса "дома Св. Леонтия" и организация монастыря во второй половине VI в. Он действительно находится подле западной оборонительной

с местом, где, согласно агиографической традиции, Св. Василей совершил чудо воскресения умершего отрока [Зубар, 2006, с.34 - 38]. Впрочем, и в данном случае даже наименование памятника "мартирием" не имеет под собой надежных оснований по той простой причине, что, как было указано выше, мы не имеем дело с сооружением, возведенным для почитания мученика, его святых мощей. Корректнее было бы применить термин "меморий", однако был ли этот коллективный кимитирий, своеобразное "крытое кладбище", связан с воспоминаниями о некоем божественном чуде, проявленном на этом месте, установить невозможно. Ясно лишь, что он не был рассчитан на отправление Божественной литургии, церковных служб хотя бы в дни памяти мученика, поскольку не имел соответствующего литургического оборудования. Тем не менее мнение В.М. Зубаря, хотя и без ссылок на него, разделяет А.Ю. Виноградов, тоже увязывающий крестовидное сооружение "Д" с местом погребения Василия или со склепом-меморием, где случилось чудо с отроком, отчего строительство примыкающего к нему баптистерия при базилике №13 объясняется необходимостью сохранить память о месте, где приняли крещение родственники воскресенного отрока. И это при том, что херсонские агиографические источники не содержат даже намека на крещение легендарных родственников рядом с могилой их воскресенного чада. Интерпретация, датировка памятника, таким образом, входят в зависимость от воображения исследователей, а не от имеющихся непреложных фактов, которых они либо не знали, либо по необъяснимой причине не принимали во внимание.

⁹ Четыре вырубные могилы, видимые на чертеже М.И. Скубетова, были размещены за пределами мартирия, у его западной стены, перед входом в гробничную церковь, где по ним могли проходить прихожане, паломники.

И.А. Антонова установила, что куртина I имела три строительных периода, но внешнюю линию стены с аркой предполагаемых ворот она посчитала последней по времени, из чего выходило, что, закрытая двумя пристроенными одна к другой стенами двулицевой кладки более ранних строительных периодов, арка не могла служить воротами [Антонова, 1963, с.61, 64 - 66, рис.3 - 4]. Если же поменять последовательность строительства, – сначала внешняя, напольная стена с воротами, а потом последующие две достройки с внутренней стороны, которые закрыли ворота, тогда рассеивается последнее недоумение в отношении этой “псевдоразгрузочной арки”. Именно так полагал Г.Д. Белов, которому И.А. Антонова могла возразить лишь то, что внешняя “стена третьего строительного периода сохранилась на наибольшую высоту..., в то время как две первые стены разобраны почти до основания” [Антонова, 1963, с.66]. Последнее весьма преувеличено, что видно даже по фотографии, приведенной самой И.А. Антоновой (рис.3). Пристраиваемые позже, эти стены и не должны были быть выше внешней первой. У них была иная задача: они лишь увеличивали толщину куртины I на противотаранном уровне.

Видимо, во время последующего утолщения куртины около угловой башни I была устроена калитка, следы которой сохранились до сих пор, а прежние арочные ворота оказались заложены, как и вся внешняя обшивка куртины, крупными, хорошо обработанными плитами известняка. В любом случае здесь четко и последовательно соблюдался монастырский принцип иметь всего одни входные ворота [ср.: Райс, 2003, с.240].

В скором времени с этим последним строительством, если не одновременно, напротив куртины, на расстоянии 11 м от нее, было начато сооружение рва, который не может быть датирован концом VI - начала VII вв., как предположил В.М. Зубарь [Зубар, 2006, с.29 - 30]. В этом случае необъяснимыми остаются подзахоронения X в. в склепы №1 и №2, открытые Г.Д. Беловым вдоль восточного края рва (наиболее поздней монетой здесь оказалась монета Романа I Лакапина (920 - 944) [подр. см.: Сорочан, 2005, с.958 - 961, рис.345 - 347]. Разумеется, они не могли долго стоять открытыми, с пробитыми стенами южных лежанок: их должны были вскоре засыпать вместе со рвом, протянувшимся на 26 м, но так и оставшимся неоконченным. Причина этого кроется не в неких, “пока что невыясненных обстоятельствах” [Зубар, 2006, с.29], а, скорее всего, в других склепах, на которые строители натолкнулись в южной части рва. При этом склеп №3 оказался в пределах рва и его срубили почти целиком, но следующий склеп №4 с массой костяков имел большую пещерообразную камеру со скругленными углами, которая выходила далеко за линию рва на восток. Он ломал весь проект работ. Склеп, хранивший костяки больных, калек, вероятно, принадлежал соседнему монастырскому носокомиону или ксенону, функционировал в VII - VIII в. и был давно забыт ко времени сооружения рва. Судя по фрагментам кувшинов с плоскими ручками в его засыпи, это произошло не ранее X в., что совпадает с монетой Романа

Лакапина в одном из склепов, оказавшихся зацепленным бортом рва. В любом случае ясно, что за северо-западной окраинной частью города продолжали тщательно следить, она была окружена разносторонним вниманием.

Внутри этой ограниченной, не более 0,3 га, трапецевидной в плане территории, около фланговой башни I со времени не ранее середины VI столетия и дальше, возможно, до VII в. включительно, судя по остаткам еще не обветшавших фресок базиликального комплекса в засыпи цистерны №33, действовал производственный комплекс, осуществлялась рыбозасолка, что вполне увязывается с практикой монастырской хозяйственной жизни [Суров, 1961, с.58 - 70 (исследователь относил прекращение функционирования цистерны к концу VI - началу VII вв., когда началось строительство базилики); Суров, 1965, с.135; ср.: Голофаст, 2001, с.111 - 112, комплекс 12; Голофаст, 2002, с.139, №5, рис.1,5; Сорочан, 2005, с.829, 847; Зубар, 2006, с.31 - 33., рис.10, 12, 14 - 16]. В пользу этого предположения свидетельствуют фрагменты мисок форм 10 А группы LRC, позволяющие датировать засыпь цистерны №33 временем никак не ранее конца VI - начала VII вв., и другие керамические материалы, предшествующие IX в., которые были извлечены из помещений В и Г рыбозасолочного комплекса [Суров, 1961, с.88; Голофаст, 2007, с.92]. Кроме того, как и в случае с поисками других святых реликвий, место должно было рано стать одной из стаций, очевидно, конечным пунктом церемониальных шествий литургического характера, связанных с оформившейся календарной службой в честь муч. Василия и с его маририем. К этому времени в городе уже существовал храм во имя Св. Василия (Василия), выстроенный, скорее всего, на большой агоре, как и Главная продольная улица, вполне подходящей для названия "платейя", рядом с тем местом, где мученик принял смерть от рук местных "эллинов"; на Главной продольной улице города, в III квартале, на месте сnivelированной позднеантичной усадьбы, просуществовавшей до середины - второй половины VI в., стали возводить церковь с небольшой подземной, "пещерной криптой", возможно, тоже в память о событиях, связанных с пребыванием епископа Василия в еще не крещенном Херсонесе [подр. см.: Сорочан, 2005, с.739 - 753, 895 - 901; Сорочан, 2008, с.96 - 100]¹⁰. Эта церковь-меморий с гробничной криптой могла находиться под контролем монашествующих, живших в пределах ее ограды в двух крошечных помещениях по сторонам от входа, хотя видеть в комплексе "монастырь-меморий" нет достаточных оснований: памятник, судя по своим небольшим размерам, не включал основных составляющих, необходимых обители, и был гораздо меньше монастыря

---

¹⁰ Предположение о том, что это была типова поздневизантийская двухуровневая церковь-маририй, выстроенная не ранее XI в, я разделить не могу по причине нахождения этой церкви на месте ранневизантийской усадьбы, переставшей функционировать уже в VI в.: часть квартала рядом с главной улицей не могла пустовать в центре города в течение четырех столетий [ср.: Могаичев, 2008, с.88 - 89, прим.17].

Богоматери Влахернской, с которым его пытаются сравнивать [ср.: Яш-ева, 2007, с.207, 209]. Аналогичный западному крестовидный кимитирий, возможно, мемориальный, был выстроен и на бывшем теменосе Херсона, рядом с Восточной базиликой №36, которая достаточно уверенно идентифицируется с упоминаемым в агиографии храмом апостола Петра в месте, именуемом Парфенон (Парфенеон) [Сорочан, 2005, с.875 - 886]. Теофанический меморий, игравший одновременно роль “крытого кладбища”, здесь был особенно уместен в связи с преданием о постройке в Парфенеоне, типичном продукте “истории памяти” херсонян, купели, в которой епископ Капитон в IV в. окрестил херсонян.

Поиски собственных святынь, ставшие в силу внутренних и внешних причин особенно активными в последней трети VI в., когда город, вероятно, пережил ужас “Юстиниановой чумы”, землетрясения, а затем тюркскую угрозу и был занят интенсивным строительством [подр. см.: Сорочан, 2005, с.681 - 1030]¹¹, привели к осознанию необходимости возведения обновленного мартырии в виде церкви над склепом около древней западной оборонительной стены с редким сводом, сходящимся к центру рядами-поясами плинф,

¹¹ И.А. Завадская посчитала предположение о возможном землетрясении, повредившем город в 550-е гг., “неоправданно смелым и поспешным”, не имеющим “в настоящее время бесспорных археологических доказательств” [Завадская, 2007, с.462]. На мой взгляд, именно таким решающим доказательством является непреложный, признаваемый исследователями факт строительства не только основной массы храмов, но, что важно подчеркнуть, и жилых усадеб, причем в самых разных кварталах Херсона, столь же массовая засыпка рыбозасолочных цистерн, то и дело прослеживаемая по всему городу нивелировка участков под новую застройку. Отчеты о раскопках разных экспедиций и разных лет с редкостным постоянством фиксируют такие следы, которые складываются ныне в общую картину, не заметить которую невозможно. Объяснить случившееся одной государственной программой едва ли достаточно - адресная помощь коснулась бы частных домов только в случае, если бы их жители оказались в числе потерпевших. Концепция также вызывает возражение А.И. Романчук, полагающей, что столь обширное строительство храмов было бы нереально осуществить за 150 лет [Романчук, 2006, с.124 - 133; Романчук, 2007, с.412 - 429]. Однако в византийской истории известно строительство храма не за 5 - 10 лет, а за месяц, год [подр. см.: Сорочан, 2004, с.185 - 204; Сорочан, 2005, с.1017]. Чтобы приблизительно за 150 лет возвести около 30 сакральных памятников разного вида и размера (а именно столько их насчитывается к настоящему времени в ранневизантийском Херсоне), требовалось примерно пять лет на один памятник, срок немалый. Для такого строительства не нужны были крупные артели, хватало бы нескольких групп икодомов по несколько десятков человек, вполне достаточных для города с населением около 1000 семей. Византийские императоры всегда, даже в трудные для Империи времена, помогали провинциальным городам, перенесшим разрушения, - почему Херсон должен был остаться в исключении? Это был отдаленный, окраинный, пограничный, но важный во многих отношениях для Византии город. Недаром только он удостоился отдельного раздела в трактате “Об управлении империей”. В любом случае, другой причины “строительного бума”, затронувшего, еще раз подчеркну, практически все районы города и вызвавшего общую, массовую перестройку к концу ранневизантийской эпохи, трудно найти. Не его ли начало имел в виду Прокопий, когда писал около 560 / 561 гг., что Юстинин отстроил “совершенно разрушенные стены” (pantapasi ta teiche euron) Херсона и Боспора? [Прокопий, 1939, с.249 (III.10); Кеппен, 1837, с.56].

ибо этот склеп давно ассоциировался в представлениях херсонян с местом погребения Василия. Вполне возможно, что его каменный коробовый свод, какой был типичен для абсолютного большинства херсонесских склепов первых веков н.э., был убран, ибо он имел незначительную толщину, видимо, не более 0,2 м, повреждения, трещины и мог бы не выдержать нагрузку пола выстроенной сверху молельни или поминальной гробничной церквушки. Прежний свод был заменен на плинфовый особой конструкции. Тогда же переделке в церковь с алтарем подверглась молельня, существовавшая над древним ипогеом, что подтверждается разностью кладки алтарной апсиды с тремя конхами и более массивных стен, а также наличием сравнительно поздней напольной мозаики. Последняя, по замечанию К.К. Косцюшко-Валюжинича, была аналогична мозаике Уваровской базилики (храма Св. Апостолов Петра и Павла), к слову, способной соперничать в размере со знаменитым фессалоникийским величественным базиликальным кафедральным собором Св. муч. Димитрия, включала в розетки-медальоны изображения крестов [Зубар, 2006, рис.25] и, значит, была положена не ранее конца VI - начала VII вв., но до 681 г., когда такие изображения было канонически запрещено делать на полу.

К концу VI в. херсоняне приступили к возведению Западной базилики с мраморным амвоном и ее южной "галерси". Почти одновременно к вместительному храму - кафедральному собору, алтарь которого, если исходить из данных письменных источников IX в., был освящен во имя Св. муч. Леонтия Киликийского, пристраивается одноапсидный мемориальный баптистерий ("часовня Б") почти квадратной в плане формы (6 x 5 м) с широкой апсидой и облицованной мрамором небольшой купелью в форме декаэдра, вырубленной в скале на глубину 0,9 м, рядом с которой под полом устривают "привилегированные захоронения" (ad sanctos), скорее всего, погребения особо значимых освященных клириков. Д.В. Айналов резонно полагал одновременность обоих сооружений, указывая на заметные связи в кладке апсиды баптистерия и стены базилики [Айналов, 1905, с.34]. Однако Е.Г. Сувор считал, что "часовня Б" была построена раньше базилики. Поэтому он видел в ней наиболее раннюю христианскую постройку в северо-западном районе городища. Основанием для такого заключения служило отсутствие отчетливо выраженной перевязи в стенах обоих сооружений и их разные продольные оси. Это отклонение действительно есть, но весьма незначительное, что легко объяснить привычкой икодомов работать на глаз. Как и в случае с крестовидным кимитирием ("Д"), оно не воспринималось визуально и заметно только в чертеже. Тем не менее Е.Г. Сувор считал, что южная стена "часовни Б" до плеча ее апсиды была разобрана при возведении базилики и указывал на разность характера скрепляющего раствора - белого у базилики и слегка розового, цемянкового у "часовни" [Сувор, 1963, л.179-181, 207-208]. Он не обратил внимания на то, что такой оттенок имели как раз поздние перестройки на стилобатах, внутри нефов

базилики [Суров, 1963, л.172-173, 204-206]. Следовательно, нет оснований видеть в баптистерии самый ранний памятник западной “цитадели”, к которому пристроили базилику. Все было как раз наоборот.

Уже в VI в. здесь действительно могла появиться община постоянных прихожан, ухаживавшая за христианскими могилами и вместе с монашескими совершавшая регулярные службы. Ясно также, что Жития св. епископов Херсонских были созданы не позже середины - третьей четверти этого столетия уже потому, что их составитель знал о храме апостола Петра, возведенном по инициативе епископа Капитона в Парфенеоне, на Восточной площади, но не отметил наличие особого высокопочитаемого мученика в виде гробничной церкви на месте, которое считалось гробницей Св. Василия близ западной стены. С момента постройки таковой церкви она становится основой для создания монашеской общины, очевидно, женской, под присмотром которой оказалась монастырская больница или богадельня для калек, вероятно, размещенная в помещениях южной “галереи” при нововозведенной Западной базилике¹². Уже само наличие такого специфического заведения объясняет, почему монастырь был посвящен Св. Леонтию, считавшемуся покровителем врачевания, одним из бессребренников, хотя в комплексе обители входила такая святыня, как мученик Св. муч. Василий. Противоречия здесь нет [ср.: Яшаева, 2007, с.201]. К тому же херсоняне не могли не учесть, что в городе уже есть храм во имя Св. Василия на большой агоре рядом с Главной продольной улицей.

Мученик Св. Василий вполне вписывался в круг “паломнической архитектуры”, ставшей формироваться в эпоху Юстиниана, и был особенно выгоден, важен для жизнеспособности обители, поскольку в ту пору монастыри выживали почти исключительно за счет добровольных пожертвований верующих, приходивших прикоснуться к их реликвиям [подр. см.: Актен, 1995 (особенно доклад Б. Бренка о местах культа и их посетителях)]. Более того, в традиции православного паломника было не только обойти храмы и святыни, но только посылить пожертвовать обители приношение, но и поработать на обитель, послужить монастырю, взять на себя монастырское послушание на срок

¹² На то, что это был женский монастырь, указывает зафиксированное агиографическими источниками присутствие в “доме Св. Леонтия” монахинь и “благоверных жен” во время всеобщего бдения с 30 на 31 января 861 г. над принесенными сюда мощами Климента Римского. Согласно канонам, любую обитель инокиням можно было покидать только в случае крайней нужды, не иначе как с позволения настоятельницы вместе с какими-либо старницами и первенствующими в монастыре – “ночевать же вне монастыря совсем не допускается” – четко гласило 46 правило Вселенского синода 691 / 692 гг. “Пусть не спит ни в мужском монастыре женщина, ни в женском мужчина” – уточняет 47 правило этого же собора [Деянция, 1996, с.287]. Отсюда следует, что упоминаемые в Слове на перенесение мощей преславного Климента “черноризицы” могли оказаться “от полунощи до утра” только в женском монастыре [подр. см.: Сорочан, Зубарь, Марченко, 2003, с.179 - 181, 664 - 665; Сорочан, 2003, с.146 - 173; Сорочан, 2005, с.958 - 961, 1471 - 1472, коммент. 1141].

– на день, на неделю, на месяц, кто сколько мог, сколько было сил и времени [Прошин, 1984, с.19]. Существование до VII в., если не дольше, рыбозасоленного, а затем какого-то хозяйственного комплекса около башни I и металлообрабатывающего эргастерия IX - X вв., нескольких подвалов с пифосами того же времени вдоль внешней стороны фундамента античной западной оборонительной стены лишь подкрепляет эти наблюдения. Некоторые монастыри, например, Студийский в Константинополе в IX в., нанимали мастеров по металлу, ткачей, сапожников и продавали ими произведенную продукцию [Райс, 2003, с.131]. Включение как жилых, так и вспомогательных, хозяйственных, промысловых построек, эргастериев в инфраструктуру любой римской обители – дело обычное и вовсе не указывающее на прекращение функционирования Западной базилики в IX в. [Райс, 2003, с.240; ср.: Кленниа, 2003, с.23]. В восточном христианстве евангельские идеи благополучно, стабильно уживались с политэкономическими [Хвостова, 2005, с.19 - 20]. Но продажа монастырского имущества, собственности здесь категорически исключалась [Гийу, 2005, с.200]. Хорошо известно, что по церковным канонам церковное, а значит, и монастырское имущество – божественное учреждение, и земного собственника у него быть не могло [Морозов, 2005, с.113]. 49-е правило Пято-Шестого собора 691 / 692 гг. настаивало, “чтобы монастыри, однажды освященные с ведома епископа, навсегда оставались монастырями и принадлежащие им имущества сохранялись за монастырем”. Они “не могли никем отдаваться в руки мирским людям” [Деяния, 1996, с.287]. За счет таких неотчуждаемых, принадлежавших монастырю имуществ, приносивших выгоду, можно было выживать, обеспечивать интересы благотворительности, эксплуатируя их если не самим, то сдавая клирикам или светским лицам на правах эмфитевсиса [см.: Бердников, 1903, с.42 - 43; Полный православный, 1992, с.1191, 1193]. Кроме того, согласно 5-й новелле Льва VI, даже монах получил право иметь свое хозяйство, что с конца IX в. еще более усложнило структуру монастырской собственности [Les Nouvelles, 1944, nov. V]. Наконец, такого рода доходные имущества могли быть даром монастырю, зафиксированным в его актах. Так или иначе, желавших отблагодарить обитель должно было быть немало, ибо комплексе с криптой Св. Василия входил в плеяду исключительных реликвий, которые играли ведущую роль в деле сакрального “освоения” удаленного, окраинного района городища, да и в общей сакрализации Херсона как церковного центра малого паломничества, и, значит, должны были быть выгодны для всего города.

М.И. Ростовцев пытался отождествить с местом погребения Св. Василия упомянутый выше позднеантичный вырубной склеп с фресковой росписью, обнаруженный на земле поместья Н.И. Тура [Ростовцев, 1914, с.472 - 480]. Владения этого помещика располагались к северо-западу от нынешнего пляжа “Солнечный”. Склеп почти квадратной в плане формы (2,48 x 2,79 x 1,68 м), с двумя нишам-локулами в северной и восточной стенах, как уже указывалось,

был перестроен в подземную меморию - молельню наибольшей длины и ширины по 3,95 м вместе с локулами, в которой задняя стена с саркофагообразной нишей была превращена в грубую крошечную апсиду трапецевидной формы с низкой алтарной преградой и святыми воротами, то есть, важно отметить, была приспособлена для литургии¹³. Такую литургию отправляли уже в раннехристианских тесных криптах-катакомбах, где в передней части располагалось духовенство, а алтарем служила полукруглая апсида или ниша, отделенная невысокой преградой, за которой находилась гробница, служившая престолом [Покровский, 1990, с.28]. От этого идет обычай и в современной церкви полагать на престол мощи, зашитые в углах покрывала-антиминса. Небольшую высоту помещения (от 1,6 до 1,7 м), как и его незначительную площадь (около 6 м²), нельзя считать непреодолимым препятствием для нужд богослужения, тем более, что внутри молельни имелись избранные места для сидения, вырубленные вдоль стен, как это было принято в мемориальных культовых сооружениях [Могаричев, 2005 а, с.186 - 187: ср.: Хрушкова, 2002, с.437 (Скамья)]. Большинство же участников станции, как и полагалось, оставалось молиться снаружи мемория. Стоит также заметить, что столь же малые размеры имела полезная площадь и крохотная восточная апсида с престолом в крипте "пещерной церкви", которой тем не менее не отказывают в ее культовом назначении [Якобсон, 1959, с.191 - 192]. Малые размеры встречаются в некоторых "пещерных" сакральных сооружениях Загайтанской скалы в Инкерманской долине, литургическое назначение которых опять-таки не вызывает сомнений [Бобровський, Чуева, 2005, с.67 - 68]. Тесные средневековые Печерские лаврские крипты тоже имели высоту от 1,5 до 2 м, представлявшуюся, следовательно, довольно для совершения молитвенных упражнений и даже жилья иноков [см.: Никитенко, 2005, с.186].

Стену сооружения против входа украшала характерная христианская фреска среднего регистра в виде двух симметрично расположенных павлинов с лавровой гирляндой в клювах, цветки розы, а в самой глубине прослеживались следы изображения голубей, что должно было в целом, в соответствии с новой христианской антропологией, символизировать райский сад, крещение и воскресение душ. На левой стене под нишей-локулой, по мнению М.И. Скубетова, был нарисован пальмовый венок [Ростовцев, 1914, с.476]. Вместе с тем следует согласиться с Л.Г. Хрушковой, что христианские изображения – это "образ-знак", который был адресован не столько зрителю, сколько интеллекту посвященного, а сами катакомбы были экспериментальной лабораторией, где отбирались сюжеты и композиционные построения, зачастую не поддающиеся однозначному прочтению [Хрушкова, 2008, с.128]. Действительно, все зависит от контекста и важно не ошибиться, определяя этот контекст. Отличительной

¹³ Одно это обстоятельство рассеивает имеющиеся сомнения в том, что отдельные "места памяти и молитв служили в Херсонесе также в качестве христианских храмов" [Завадская, 2003, с.412].

Разумеется, херсоняне-христиане могли представлять похороны выброшенного из Западных ворот тела Василия в укромном месте, подальше от города, но в таком случае составитель Жития, исходивший из реальных топографических подробностей, вряд ли написал бы о том, что это было совершено именно “близь” городской стены: даже если брать по прямой, склеп на земле Н.И. Тура оказывается на расстоянии более двух стадий (400 м) к юго-западу от фланговой башни V. Гораздо ближе к западной оборонительной стене, недалеко от 5-й куртины находился ранневизантийский вырубной склеп с христианской росписью и тремя локулами почти под потолком камеры, однако он не стал объектом поклонения, очевидно, был довольно скоро забыт, а ниша-лежанка в задней стене, замурованная по христианскому обычаю погребения плинфой на цемянковом растворе, оказалась со временем осквернена грабителями [Ростовцев, 1914, с.467 - 469; Зубарь, Хворостяный, 2000, с.67 - 68, рис.21, 32].

Похоже, возникновение здешнего редкого мемория должно было иметь иные легендарные корни, следы которых опять-таки обнаруживаются в тексте агиографического источника Житий свв. епископов Херсонских. Для наиболее убедительного объяснения архитектурной трансформации склепа и сюжета его росписи вполне подходит рассказ о воскресении Василием единственного сына *tes poleos proton* одного из первых людей города. Таких первенствующих в позднесантичном - ранневизантийском городе было несколько десятков [подр. см.: Сорочан, 2005, с.592-607]. По одной из семи версий Жития он назван архонтом – “начальствующим”. Херсонянам должна была быть хорошо известна эта история с яркими, реалистичными деталями, рисующими как удрученные горем отец и мать умершего от болезни сына, погребенного за городом, увидели во сне видение на могиле ребенка, быстро, едва ли не бегом, прибежали в город, разыскали епископа Василия и умолили его прийти к гробу, где тот, совершив над мальчиком обряд крещения “как бы над живым”, живого показал родителям, отчего, уверовав во Христа, они после оглашения крестились со всеми своими близкими [Латышев, 1906, с.8; Жития, 2005, с.1258 - 1260, гл.5 - 7]. Этому Чуду Воскресения, почтенному из местной агиографии, и могла быть посвящена загородная гробница, разысканная херсонянами в числе прочих важнейших “вторичных реликвий”, когда на них возник спрос. Обновив раннехристианскую, с хрисмой на потолке и фресками на стенах, гробничную роспись, скорее всего, первой половины V в., в которой наиболее поздним признаком было, по наблюдению М.И. Ростовцева, “изображение развернутых и стилизованных цветов розы” [Ростовцев, 1914, с.479], они дополнили ее заимствованным из Жития хорошо известным сюжетом на правой стене, предварительно оштукатуренной и выбеленной, где были изображены родители усопшего, идущие от склепа к городу, и Св. Василий, направляющийся к гробу отрока. Более того, даже изображение зарослей камыша или тростника справа от города находит вполне понятное объяснение в живых реалиях Херсонеса-Херсона, ибо для идущих с западного некрополя

столь необходимый византийскому обществу, проникнутому сакрализацией, мистикой связи сакральных пространств. Наконец, гробницы рядом и внутри церквей, молелен, “крытые кладбища” вблизи мартриев, мемориев служили гарантом сохранения семейной, родовой памяти – здесь хоронили предков, ктиторов, их наследников – эпитропов, попечителей церковных учреждений, привелегированных лиц, здесь возносили молитвы во спасение их душ и за процветание их потомков. К слову, вплоть до появления на западном кладбище крестовидного храма Св. муч. Созонта, воздвигнутого не ранее конца VIII в. [Сорочан, 2005, с.821 - 826, рис.190. 50; 256 - 257, 410], именно меморий Воскресения вполне мог быть центром мемориального и мартириального культа этого района загородного некрополя Херсона, и, вероятно, намеренно был лишен наземной церкви, чтобы ничем не скрыть столь необычную святыню от паломников и сделать ее более жизненной.

Подобные, очевидно, не случайно совпадающие во времени строительства обнаруживаются еще у двух объектов культового характера, тоже связанных с текстом Житий семи священномучеников Херсонских, а именно, у теофанического тетраконхального купольного мемория №47, построенного в третьей четверти VI в., очевидно, на месте легендарной известеобжигательной печи, связанной с чудом епископа Капитона и массовым крещением херсонян, а также у Влахернского монастыря Богоматери Девы Марии, расположенного против Южных (“Мертвых”) ворот, среди “святых могил” (in tumulis sanctorum), в том числе могил легендарных Евгения, Агафодора и Елпидия, первых мучеников-епископов, пресмников Св. Василия, чей частный культ существовал в городе [подр. см.: Сорочан, Зубарь, Марченко, 2003, с.13 - 28, 198 - 202; Сорочан, 2004, с.211 - 232; Сорочан, 2005, с.787 - 819, Фомин, 2005 а, с.55]. Возведение нового большого храма во имя апостола Петра, очевидно, в виде Восточной базилики №36, на месте, издавна именуемом херсонянами Парфенсон, находит обоснование в зафиксированном в Житиях рассказе о деятельности епископа Капитона и опять-таки произошло к концу VI в. [Сорочан, Зубарь, Марченко, 2000, с.577 - 584; Сорочан, 2001, с.3 - 6; Сорочан, 2002, с.37 - 38; Сорочан, Зубарь, Марченко, 2003, с.116 - 120; Сорочан, 2005, с.875 - 886]. Не исключено, что в очень близкое время в комплексе большой агоры города вошел центральный крестовидный храм № 27, интерпретируемый как летописная церковь Св. Василия (Василия), поблизости от которой херсоняне ранее возвели памятный столп (ta kuona) с крестом для поклонения на месте убиения своего легендарного епископа [Сорочан, 2003 а, с.196 - 200; Сорочан, 2005, с.886 - 908, Сорочан, 2008, с.96 - 107]. Яркими примерами сакрального “освоения” удаленного пространства на окраине города служат и оборудование мемория из склепа с росписью на хорошо известную агиографическую тему чуда с Воскресением отрока, и описанное выше создание монастырского комплекса Западной базилики Св. Леонтия рядом с мартирием Св. муч. Василия.

Все эти памятники устанавливали незримые связи между ними и святыми города, некое “силовое поле”, по укоренившейся традиции сакрализирующее всю территорию Херсона и даже выходящее за его пределы через такие загородные “ретрансляторы”, как храм-мартирий Влахернского монастыря Девы Марии Влахернской и меморий Воскресения [ср.: Суриков, 2006, с.184]. Следовательно, это были стройки одного порядка, наполненные одним смыслом, нашедшим место для реликвий в истории, почерпнутой из одного “программного” агниографического памятника, появившегося незадолго перед этим на свет [Сорочан, 2005 а, с.270 - 274]. Сам рост специализации пространств указанных сакральных комплексов, больших ансамблей, их усложнения, связи с мемориальным и мартириальным культом указывают на эволюцию, одной из ведущих причин которой могло стать именно развитие паломничества, как это отмечается и в других регионах византийского мира в VI - VIII вв. [ср.: Akten, 1995; Michel, Alliaa, 2001]. Это же обстоятельство вызывало расчленение и перенос святых мощей, этих “не знающих отдыха костей”, как их назвал Джеймс Бентли [Bently, 1985]. Феодор Киррский в V в. писал по этому поводу: “Тела святых не скрывает могила, но их делят между собой города и деревни, и называют их спасителями душ и врачевателями тел, их почитают как стражей и хранителей городов... и притом что тело бывает разделено, благодать остается неделимой” [Theodoret, 1860, col. 1012 В]. Обретение реликвий и их участие в целом ряде литургических, праздничных и политических ритуалов оказывало постоянное влияние на структуру сакрального пространства византийского Херсона, а сам он получал совсем новую значимость и облик через архитектурное осмысление святых мест, связанных с мучениками и чудесами Господа.

Согласно религиозно-политической, мистической концепции византийцев, утвердившиеся и множившиеся христианские святыни должны были обеспечивать чудотворную защиту Империи, каждого ромея и служить знаком высшей власти. Ради этого реальное уступало место легендарному, спиритуальному, которым жертвовали даже тогда, когда приходилось вести сакральное строительство в местах неудобных, как это особенно отчетливо видно в Херсоне на примерах комплекса “дома Св. Леонтия”, возведенного на обрывистом берегу на мощных агрессивных глинах, теофанического мемория №47, построенного на крутом склоне в память чуда епископа Капитона, загородного паломнического комплекса с мартирием Св. муч. Климента Римского, размещенного на затопляемом острове в Казачьей бухте только потому, что так настойчиво требовал синтез конкретной исторической топографии и христианской агнографии [Сорочан, 2005, с.851 - 857, 922 - 929]. При этом особенность спиритуальности херсонян, их “истории памяти”, как и прочих ромеев, заключалась в том, что они ставили примат веры над жизненными реалиями, обстоятельствами, добиваясь тем самым максимальной сакрализации своего общества, утверждения репутации, восхваления своего города как “средоточия святости” и укрепления веры в непобедимость государства, имеющего такое могущественное покровительство.

- Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. – Симферополь, 1999.
- Айпалов Д.В.* Развалины храмов // Памятники христианского Херсонеса. – М., 1905. – Вып. I.
- Ангелова З.* Монастирът в пустинята на столичния град, или константинополските манастири през V - X век // *Civitas Divino-Humana* В чест на професор Георги Бакалов. – София, 2004.
- Антонова И.А.* Западный фланг обороны Херсонеса // СХМ. – 1963. Вып.3.
- Афиногенов Д.Е.* Наименование культовых сооружений и их частей в церковно-славянском переводе Жития св. Феодора Сикеота // Культовые памятники в мировой культуре: археологический, исторический и философский аспекты. V Международ. Крым. конф. по религовед. Тезисы докл. и сообщ. – Севастополь, 2003.
- Белов Г.Д.* Западная оборонительная линия и некрополь возле нее (раскопки 1948 г.) // МИА. – 1953. №34.
- Беляев Л.А.* Христианские древности. Введение в сравнительное изучение. М., 2000.
- Беляев С.А.* Отчет о работе Херсонесской экспедиции ИА АН СССР в 1983 г. / Архив НЗХТ. – Д. № 2438.
- Бердников И.С.* Краткий курс церковного права православной церкви. – Казань, 1903.
- Бертье-Делагард А.Л.* О Херсонесе // ИАК. – 1907. – Вып.21.
- Бобровський Т.А., Чуева К.Є.* Нововідкритий печерний храм з фресками візантійського часу у Південно-Західному Криму // Археологічні дослідження в Україні 2003 - 2004 рр. – Запоріжжя, 2005. Вип.7.
- Бобчев С.* История на архитектурата през Средните векове. – София, 1973.
- Болотов В.В.* Лекции по истории древней церкви. – М., 1913. – Т.3.
- Борисова В.В.* Строительные керамические материалы Херсонеса // Керамическое производство и античные керамические строительные материалы / САИ Вып. П1 - 20. – М., 1966.
- Буйских А.В.* Пространственное развитие Херсонеса Таврического в античную эпоху // МАИЭТ. Supplementum. Вып.5. Симферополь, 2008.
- Гийу А.* Византийская цивилизация. – Екатеринбург, 2005.
- Голофаст Л.А.* Стекло ранневизантийского Херсонеса // МАИЭТ. – 2001. – Вып.8.
- Голофаст Л.А.* Штампы V - VII вв. на посуде группы "Фокейской краснолаковой" из раскопок Херсонесского городища // МАИЭТ. – 2002. – Вып.9.
- Голофаст Л.А.* Западный район Херсона в ранневизантийское время // МАИЭТ. – 2007. – Вып.13.
- Гришевич К.Э.* Раскопки в Херсонесе в 1927 и 1928 гг. (Предварительный отчет) // Крым. – М.; Л., 1929. №1 (9).
- Гришевич К.Э.* Стены Херсонеса Таврического. Ч.3: Южная и Западная линия обороны // Х.сб. 1959. – Вып.5.
- Деяния Вселенских соборов.* СПб., 1996. Т.4.
- Домбровский О.И.* Архитектурно-археологическое исследование загородного крестообразного храма Херсонеса // МАИЭТ. 1993. Вып.3.
- Евсевий Памфил.* Церковная история. М., 1993.
- Епчев Т.* Още по въпроса за деамбулаториума в раннохристиянските базилики // Проф. д.и.н. Станчо Ваклинов и средновековната българска култура. – В. Търново, 2005.
- Житие и страсть святых отец и епископов бывших Василия, Капитона, мученых в Херсоне // Лавров П.* Жития херсонских святых в греко-славянской письменности / Памятники христианского Херсонеса. – М., 1911. – Вып.2.
- Житие св. епископов Херсонских в грузинской минее // Сорочан С.Б.* Византийский Херсон (вторая половина VI - первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. – Харьков, 2005. Ч.2.
- Жития святых епископов Херсонских // Сорочан С.Б.* Византийский Херсон (вторая половина VI - первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. – Харьков, 2005. Ч.2.

- Романчук А.И.* Исследования Херсонеса - Херсона. Раскопки. Гипотезы. Проблемы. Ч.2: Византийский город. Екатеринбург, 2007.
- Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова Л.В.* Амфоры из комплексов византийского Херсонеса. – Екатеринбург, 1995.
- Ростовцев М.И.* Античная декоративная живопись на юге России – СПб., 1914. – Т.1.
- Сазанов А.В.* Амфорный комплекс первой четверти VII в. н.э. из северо-восточного района Херсонеса // МАИЭТ. – 1991. – Вып.2.
- Скубетов М.И.* Древнехристианский склеп IV-го века с фресковой декоративной росписью близ Херсонеса (на земле Н.И. Тура) // ИТУАК. – 1916. № 53.
- Сорочан С.Б.* Где находился херсонесский храм св. Петра? // Херсонес Таврический. У истоков мировых религий. Материалы науч. конф. – Севастополь, 2001.
- Сорочан С.Б.* О храме во имя апостола Петра в раннесредневековом Херсонесе (Херсоне) // Восток - Запад: межконфессиональный диалог. Тезисы докл. и сообщ. – Севастополь, 2002.
- Сорочан С.Б.* О храме Созонта, "доме Св. Леонтия" и мартирии Св. Василия в раннесредневековом Херсоне // АДСВ. – 2003. – Вып.34.
- Сорочан С.* О церкви св. Василия и архитектурном комплексе большой агоры раннесредневекового Херсона // Софійські читання. Матеріали Перших науково-практичних Софійських читань (м. Київ, 27 - 28 листопада 2002 р.). – Київ, 2003 а.
- Сорочан С.Б.* О строительном деле как показателе развития раннесредневековой Византии // Древности 2004. Харьков, 2004.
- Сорочан С.Б.* Об источниках финансирования и причинах "архитектурного бума" в византийском Херсоне конца VI - начала VII вв. // Юг России в прошлом и настоящем: история, экономика, культура. Материалы международ. науч.-практ. конф. / Под ред. проф. В.А. Шаповалова. – Белгород, 2004 а. Ч.1.
- Сорочан С.Б.* Византийский Херсон (вторая половина VI - первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. – Харьков, 2005. Ч.1 - 2.
- Сорочан С.Б.* О датировке Житий свв. епископов Херсонских // VI Боспорские чтения. "Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Периоды дестабилизации и катастроф". – Керчь, 2005 а.
- Сорочан С.Б.* Об агоре византийского Херсона, ее церквях и палатях // БИАС. Симферополь, 2008. Вып.3.
- Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В.* Жизнь и гибель Херсонеса. – Харьков, 2000.
- Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В.* Херсонес - Херсон - Корсунь. – К., 2003.
- Сорочан С.Б., Крупа Т.Н.* Мартирий Св. Василия в византийском Херсоне // Археологічні дослідження в Україні 2004-2005 рр. – К.; Запоріжжя, 2006. – Вип.8.
- Стоянов Р.В.* Некоторые аспекты хронологии районирования херсонесского некрополя классического и эллинистического периодов // Хсб. – 2003. – Вып.12.
- Суриков И.Е.* Категория сакрального в пространственной модели античного греческого полиса // Восточная Европа в древности и средневековье. XVIII Чтения памяти В.Т. Пашуто. – М., 2006.
- Суров Е.Г.* Херсонес Таврический. – Свердловск, 1961.
- Суров Е.Г.* Отчет о раскопках в северо-западной части Херсонесского городища в 1963 году // Отчет о раскопках объединенной Херсонесской археологической экспедиции Херсонесского историко-археологического музея и Уральского гос. университета в 1963 году / Архив НЗХТ. – Д. № 1138.
- Суров Е.Г.* К истории северо-западного района Херсонеса Таврического // АДСВ. – 1965. – Вып.3.
- Уваров А.С.* Христианская символика. Ч.1. Символика древнехристианского периода. – М., 1908.
- Фирсов Л.В.* Ориентировка средневековых храмов Херсонеса Таврического. 1973 г. // Архив НЗХТ. – Д. № 868.
- Фомин М.В.* О мартириях при Западной базилике Херсонеса // БИ. – Симферополь; Керчь, 2005. – Вып.10.

- Фоллиш М.В.* О катакомбе-мартирии херсонесского храма Богородицы Влахернской (некрополь как философско-религиозное понятие) // *Кульм святых мест в древних и современных религиях. VII Международ. Крым. конф. по религоведению. Тезисы докл. и сообщ. – Севастополь, 2005 а.*
- Хвостова К.В.* Спорные вопросы византийской земельной собственности // *ВВ. – 2005. – Т. 64 (989).*
- Хрушкова Л.Г.* Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья (IV - VII вв.). – М., 2002.
- Хрушкова Л.Г.* Христианские памятники Крыма (состояние изучения) // *ВВ. – 2004. – Т. 63 (88).*
- Хрушкова Л.Г.* О начале христианского Херсонеса Таврического: крестовидная церковь на главном кладбище // *Ссб. – К.; Судак, 2005. – Вып. 2.*
- Хрушкова Л.Г.* Мартирии и епископы Херсонеса Таврического IV-V вв. // *Небесные патроны и земные служители культа. IX Международ. Крым. конф. по религоведению. Тезисы докл. и сообщ. – Севастополь, 2007.*
- Хрушкова Л.Г.* О живописи раннехристианских склепов в Крыму: сто лет после Михаила Ивановича Ростовцева // *Византия в контексте мировой культуры: К 100-летию со дня рождения А.В. Банк (1906 - 1984): Материалы конференции. ТГЭ. Т. 42. СПб., 2008.*
- Шульц Г.Й.* Византийска литургия: Свидчення віри та значення символів. – Львів, 2002.
- Якобсон А.Л.* Раннесредневековый Херсонес // *МИА. – 1959. №63.*
- Яшиева Т.Ю.* Городские монастыри византийского Херсона: к постановке проблемы // *МАИЭТ. – 2007. – Вып. 13.*
- Akten des XII internationalen Kongresses für christliche Archäologie. Bonn, 22. - 28. September 1991. – Citta del Vaticano; Münster, 1995. – Bd. 1 - 2.*
- Bently J.* Restless Bones: The Story of Relics. London, 1985.
- The Canons of the Council in Trullo // The Council in Trullo Revisited / Ed. by G. Nedungau, M. Featherstone (Kanonika, 6). – Roma, 1995.*
- Deichmann F.* Märtyrerbasilika. Memoria und Altgrab // *Römische Mitteilungen. – 1979. – Bd. 77.*
- Dival N.* L'evque et la cathedrale en Afrique du Nord // *Actes du XIe CIAC. Lyon - Aoste, 21 - 23 sept. – Rome, 1989. – T. 1.*
- Grabar A.* Martyrium. Recherchs sur le culte des reliques et l'art chretien antique. – Paris; 1946.
- Khrushkova L.* Chersonesus in the Crimea: the Early Christian Cemetery Charches and the Urban Development // *XV International congress of christian archaeology (XV CIAC). Episcopus, civitas, territorium. Pre-actas. Toledo, 2008.*
- Klausner Th.* Christlicher Märtyrerkult, heidnischer Heroenkult und späjudische Heligenverehrung: Neue Einsichten und neue Probleme // *Klausner Th. Gesammelte Arbeiten zur Liturgiegeschichte, Kirchengeschichte und Christlichen Archäologie / Hrsg. E. Dassmann. – Münster, 1974 (Jahrbuch für Antike und Christentum. Ergänzungsband, 3).*
- Klenina E.* The Saint Martyrs of Chersonesos According to Written and Archaeological Sources // *X.cб. – 2006 – Вып. 15.*
- Krautheimer R.* Mensa – Coemeterium – Martyrium // *Cahier Archaologie. – 1960. – Vol. 11.*
- Michel A.* Les églises d'epoque byzantine et ummayyade de la Jordanie. Ve - VIIIe siecle. Typologie architecturale et aménagements liturgiques avec catalogue des monuments. Turnhouut, 2001 (Bibliothèque de l'Antiquité Tardive. 2).
- Les Nouvelles de Leon VI le Sage. Texte et traduction publiés par P. Noailles et A. Dain. – Paris, 1944.*
- Picirillo M., Alliata E.* Umm al-Rasas – Mayfa'ah, I. Gli scavi complesso di Santo Stefano. – Jerusalem, 1994 (Studium Biblicum Franciscanum. Collectio Maior, 28).
- Saint-Rock P.* Le cimetiére de Basileus ou coemeterium sanctorum Marci et Marcelliani Damascque. – Citta del Vaticano, 1999 (Roma Sotterranea Cristiana, XI).
- Saxer V.* Morts, martyrs, relique en Afrique chretienne aux premiers siecles. – Paris, 1980.
- Theodoret* Episcopi Cyrrensis. De martyribus // *PG. 1860. T. 83.*
- Tsafirir Y.* The Lical Sancta and the Invention of Relics in Palrstine From the Fourth to Seventh Centuries: Their Impact on the Ecclrsiastical Architecture of the Holy Land // *Восточнохристианские реликвии / Ред.- сост. А.М. Лидов. М., 2003.*

С. Б. Сорочан

МЕМОРИЙ ВОСКРЕСІННЯ ТА МАРТИРІЙ СВ. МУЧ. ВАСИЛЕЯ В ВІЗАНТІЙСЬКОМУ ХЕРСОНІ

Резюме

В статті з'являється спроба ідентифікації та інтерпретації пам'ятнику сакральної топографії візантійського Херсону ранньохристиянської крипти, яка була знайдена в 1911 - 1912 рр. на окраїні до заходу від міста. Є підстави стверджувати, що ранньохристиянське малювання цього склепу відноситься до часу не більше ніж середини V ст. В третій чверті VI ст. крипта була перетворена на крихітний підземний меморій – молитовню. Можливо, вона мала зв'язок з комплексом пам'ятників, які в свою чергу були пов'язані з пам'яттю про першого єпископа Херсону, Св. муч. Василя та з легендарним місцем дивовижного Воскресіння сина архонта міста. Агіографія Херсону відобразила легендарну гробницю Св. Василя заступника церковної міської громади. Цей мартирій ідентифікується з домовищою церквою ("каплиця Г"), яка була споруджена к кінцю VI ст. над підземним іпогеєм біля західного античного захистного муру, на території жіночого монастиря Св. Леонтія. Від цієї християнської реліквії брали виток храм Св. Василя (№27) у центрі великої агори та мартирій в жилому кварталі III, біля головної вулиці міста. Зрозуміло, вони всі були пов'язані з пам'яттю про високошановного мученика.

С. Б. Сорочан

МЕМОРИЙ ВОСКРЕСЕНИЯ И МАРТИРИЙ СВ. МУЧ. ВАСИЛЕЯ В ВІЗАНТІЙСКОМ ХЕРСОНЕ

Резюме

В статье предпринимается попытка идентификации и интерпретации памятника сакральной топографии византийского Херсона раннехристианской крипты, которая была обнаружена в 1911 - 1912 гг. на окраине к западу от города. Есть основания утверждать, что раннехристианская роспись этого склепа относится ко времени не позже середины V в. В третьей четверти VI в. крипта была превращена в крошечный подземный меморий – мошетью. Возможно, она имела связь с комплексом памятников, которые в свою очередь были связаны с памятью о первом епископе Херсона, Св. муч. Василее и с легендарным местом чудесного Воскресения сына архонта города. Агиография Херсона отразила легендарную гробницу Св. Василя – покровителя церковной городской общины. Этот мартирий идентифицируется с гробничной церковью ("часовня Г"), которая была сооружена к концу VI в. над подземным ипогеем около западной античной оборонительной стены, на территории женского монастыря Св. Леонтия. От этой христианской реликвии были производны храм Св. Василя (№27) в центре большой агоры и мартирий в жилом квартале III, рядом с главной улицей города. Очевидно, они все были связаны с памятью о высокопочитаемом мученике.

